

Глава 1.3.

А, да, да. Кон Пёнхва с довольной улыбкой поправился: «Юнсон, Юнсон». Да какое там поправился. Сейчас кто?

— Сэбёк?

Я тогда так удивился, что не разглядел как следует человека, стоявшего рядом с Кон Пёнхвой.

Если подумать сейчас, кажется, лицо было знакомым. Так, если, если подумать...

— Шин Сэбёк?

— А?

— Шин Сэбёк, которого ты вечно мучил?

— А-а?

— Шин Сэбёк?

— А? Да!

Ты тюлень? Издаёшь такие звуки...

Верно, Шин Сэбёк. Вообще-то, когда думаешь о Кон Пёнхва, нельзя не вспомнить Шин Сэбёка.

Не в хорошем смысле — по-моему, это была школьная травля, о которой молчали только потому, что Шин Сэбёк был слишком хорошим, чтобы жаловаться.

Этот гад Кон Пёнхва, словно затаил какую-то обиду на Шин Сэбёка, был особенно жесток с нему, хотя к другим так не относился.

Как ни удивительно, Кон Пёнхва, несмотря на своё поведение, на самом деле хорошо учился. Он тусовался со мной, но при этом оставался в числе лучших учеников школы.

А Шин Сэбёк, за исключением первого года, был бесспорным лучшим учеником вплоть до выпуска.

Другими словами, эти двое были соперниками в учёбе.

И из них двоих именно Кон Пёнхва питал неприязнь к Шин Сэбёку, а не наоборот. Он так доставал парня, что мне было неловко смотреть, и каждый раз, когда они оказывались рядом, я вставал между ними, чтобы уладить конфликт.

А теперь они влюблены? Даже женаты?

Это, блять, просто ахереть можно, даже без всяких предубеждений.

Я тот, кто точно знает, как Кон Пёнхва издевался над Шин Сэбёком.

— Мой любимый жених, милашка, красотуля.

— Ай, перестань быть таким приторным...Нет, ладно, а с каких пор?

— Что?

С каких пор вы двое стали такими?

Будь я Шин Сэбёком, даже если бы Кон Пёнхва принёс 3 миллиарда вон чистыми, не облагаемыми налогами наличными и умолял встречаться с ним, я бы взял деньги и заявил на него в полицию...

Это что, какая-то дорама, которую смотрит сестра? Дорама о сожалении или что-то типа того? Я думал, он просто ребячливый ребёнок, но неужели он на самом деле выражал свои чувства через издевательства?

Шин Сэбёк что, тряпка? Нет, может, его шантажировали? С Кон Пёнхва это вполне возможно..

— А. Мы начали встречаться в 11-м классе. В 10-м мы просто флиртовали.

Что ты сказал?

Мир, кажется, обманывает меня прямо сейчас. Это встреча выпускников или «Шоу Трумана»?

— Разве я тебе не говорил?

— Просто заткнись.

С меня достаточно потрясений на сегодня. Хорошо, что я человек, а не подушка безопасности — я бы уже вышел из строя.

— Кстати, это напомнило мне о том времени.

— Я сказал, мне неинтересно.

— Это было 23 года назад, когда я был полон любопытства...

— Эй, ты меня слышишь?

Глаза Кон Пёнхва ностальгически блестели.

— Когда я впервые встретил нашего Сэбёка в 5 лет, он был чертовски милым, но совсем без манер. Я специально подошёл поговорить с ним, а он просто проигнорировал меня.

Ты прямо сейчас тоже игнорируешь мои слова и просто говоришь всё, что хочешь. И ты даже не милый, придурок.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк знали друг друга с детства.

Таков был их мир, мир, в котором они жили.

— Сэбёк, посмотри вон туда. Видишь того ребёнка? Того, который в синей одежде.

Их родители соперничали друг с другом, и дети унаследовали это соперничество.

— Кон Пёнхва. Слушай внимательно. Если не будешь сосредоточен, сегодня никаких сладостей.

— Че-е-го?! Это разве не жестокое обращение с детьми?

— А ты хорошо говоришь. В любом случае. Сегодня ты никого не можешь бить. Это важнее, чем детский сад. Понял?

Благодаря родителям, которые практиковали политику «держу врага близко», дети знали друг друга с ранних лет.

— Не проигрывай этому парню даже в «камень-ножницы-бумага»! Понял?

— Это особенно важно сегодня, но никогда не показывай этому парню свои слабости. Никакой уязвимости, понимаешь?

Вот так Кон Пёнхва и Шин Сэбёк узнали друг друга.

И Кон Пёнхва не мог понять ситуацию.

За минуту до этого его осыпали комплиментами вроде «ты, может, вырастешь и станешь альфой» и «ты выглядишь таким умным», а теперь меняли выражение лица и говорили не проигрывать.

«Мир взрослых — цк. Скажут что угодно своему любимому сыночку».

С этой мыслью Кон Пёнхва первым подошёл к Шин Сэбёку. Что бы ни случилось, он предпочитал сверстников скучным взрослым.

«Поиграю с ним. Спрошу, хочет ли он съесть пудинг».

Кон Пёнхва проигнорировал указания родителей и побежал к Шин Сэбёку.

— Эй. Ты любишь пудинг? Хочешь съесть пудинг?

—...Н-Нет!

— Правда? А что ты тогда любишь? Эй. Ты любишь динозавров?

— ...

Кон Пёнхва уже твёрдо решил подружиться с Шин Сэбёком.

— А ты знаешь, кто победит в драке между спинозавром и тираннозавром?

— ...

«Он меня игнорирует. Как бесит».

Кон Пёнхва подхватил испорченные речевые привычки благодаря старшему брату.

«Вот мудак».

Первое впечатление Кон Пёнхва о Шин Сэбёке было нехорошим.

— Как бы это сказать, такое чувство, будто по застенчивому мальчишескому сердцу просто

растоптались.

— Я сказал, мне неинтересно.

— После этого мы продолжали встречаться из-за наших родителей, понимаешь? Каждый раз, когда я его видел, он был таким раздражающим.

— Ты игнорируешь то, что я говорю?

Чон Сону, с его испорченными речевыми привычками, тоже выругался про себя.

«Он меня игнорирует. Кон Пёнхва — такой раздражающий придурок».

Кон Пёнхва, не заботясь о том, ругается Чон Сону вслух или про себя, просто продолжил свой рассказ.

— В общем, отец Сэбёка — то есть, теперь мой тесть. Бизнес моего тестя постоянно пересекался с бизнесом моего отца. Так что мы встречались чаще.

Кон Пёнхва и Шин Сэбёк учились в одном школьном округе.

Как и бизнес их родителей, Кон Пёнхва и Шин Сэбёк постоянно сравнивались и сталкивались друг с другом. Хотели они того или нет, они были главной темой для разговоров.

Даже не обменявшись друг с другом ни единым словом, это была среда, в которой они осознавали существование друг друга и начинали испытывать неприязнь.

Кон Пёнхва, которому изначально понравился Шин Сэбёк с первого взгляда из-за его белой кожи, мягкого голоса и круглых глаз, теперь его невлюбил.

Даже когда они вместе играли в футбол, он думал, что Шин Сэбёк, если упадёт сам по себе, может подать в суд, утверждая, что сломал кости.

«Слабак. Мальчик, который не занимается спортом и только учится целыми днями, неудивительно, что он бледный. Меня ругают за то, что я не учусь, из-за этого придурка. Ещё репетиторы... Тьфу. Так бесит».

Да, на самом деле Кон Пёнхва просто не хотел учиться.

И люди от природы устроены так, чтобы недолюбливать успешного ребёнка маминой подруги.

Более того, слишком реальный, превосходный, лучший в классе Шин Сэбёк — это же не просто плод маминого воображения?

Каждый экзамен ощущая присутствие сына маминой подруги в школьных рейтингах, у Кон Пёнхва не было абсолютно никаких причин любить Шин Сэбёка.

Кон Пёнхва твёрдо верил, что только он недолюбливает Шин Сэбёка.

— Как ты не можешь победить его хотя бы раз?

— Ну и что, если у нашего папы денег больше! Зачем давить на своего ребёнка!

— Это твои деньги? А? Это твои деньги?

ТЬфу...Кон Пёнхва винил Шин Сэбёка во всём, как козла отпущения.

Это из-за того, что Шин Сэбёк только и делает, что учится, вот так и возникают ссоры.

Он был самую капельку хуже в учёбе, чем Шин Сэбёк, но у него было больше друзей, и он был лучше в искусстве и физкультуре. Человеческая жадность действительно не знает границ.

«Вот так становятся капиталистом?»

Устав от родителей, не знающих удовлетворения, Кон Пёнхва наконец, во время промежуточных экзаменов, намеренно заполнил все ответы в тесте цифрой «2» и заснул.

Быстро поняв, что метод кнута не работает, родители Кон Пёнхва применили пряник.

Мирное сердце Кон Пёнхва забилося быстрее от обещания увеличить его долю акций на 1%, если он победит Шин Сэбёка на этом экзамене.

Для комфортного будущего Кон Пёнхва отчаянно учился и впервые получил сто баллов.

«Это было ужасно, и я больше никогда не буду учиться».

Кон Пёнхва мысленно закричал, требуя свободы, думая о том, чтобы сжечь учебники, которые он зачитал до дыр, и бесчисленные листы с задачами, которые он решил.

— Кон Пёнхва получил сто баллов? Ты тусовался со мной и получил сто баллов? Не ври.

— Не веришь? Экстренный выпуск! Экстренный выпуск! — Кон Пёнхва разбросал свои драгоценные работы на сто баллов.

Он был более чем доволен. Благодаря одному этому экзамену его акции увеличились на 1%! Вся боль и горечь растаяли как снег.

Его брат всё равно унаследует компанию, так что можно просто получать дивиденды, не работая. Разве это не мило?

Наслаждаясь счастьем, Чон Сону несколько раз ткнул его в бок и прошептал:

— Эй. Кажется, Шин Сэбёк плачет.

А? Шин Сэбёк плачет? Кон Пёнхва был озадачен.

На своём месте Шин Сэбёк опустил голову, так что на первый взгляд действительно могло показаться, что он плачет. Но, видя его дрожащие кулаки, это больше походило на гнев, чем на печаль.

«Неужели Шин Сэбёк дрожит от гнева из-за меня?»

Насколько сморщилось бы лицо Шин Сэбёка сейчас? Кон Пёнхва использовал всё своё воображение, чтобы представить это лицо, но оно не вырисовывалось чётко.

Но, всё же...

— Ах. Это чувствуется, блять, как электричество.

Наблюдая, как Шин Сэбёк уходит, шатаясь, он почувствовал будто ток поднимается от пальцев ног. Волнующая дрожь пробежала по его венам.

— Почему? У тебя статическое электричество?

— Это так чертовски весело.

— Ты мазохист? Извращенец. Держись от меня подальше.

Это то, что называют дофамином? Он был счастливее от того, что Шин Сэбёк расстроен из-за него, чем от получения дополнительной 1% доли акций.

Ему захотелось снова увидеть разочарование Шин Сэбёка.

«Я буду учиться как сумасшедший. И снова его обыграю».

Испытав такой сильный катарсис впервые за свои 16 лет жизни, Кон Пёнхва решил учиться добровольно в первый раз в жизни.

Это был первый такой день в жизни Кон Пёнхва.

Шин Сэбёк недолюбливал Кон Пёнхва так же сильно, как Кон Пёнхва недолюбливал его.

«Я никогда не должен проигрывать Кон Пёнхва. Даже в "камень-ножницы-бумага"».

<http://bllate.org/book/17004/1578822>